

Юлия Марчина

СНЕГУРОЧКА

18+

Пореченск.LOVE

Юлия Марчина
СНЕГУРОЧКА

«Автор»

2026

Марчина Ю.

СНЕГУРОЧКА / Ю. Марчина — «Автор»,
2026 — (Пореченск.LOVE)

Яна - красивая, холодная, не чувствующая. После позорного романа с женатым мужчиной она думала, что её сердце и тело заморожены навсегда. Дима - жёсткий, авторитарный, видевший её в самый унижительный момент. Совсем не умеет ухаживать, только приказывать. Он не обещал её согреть и, вообще, ничего не обещал. Их связывает только устный договор, в котором нет пункта про любовь, а есть пункт про «никогда не увидимся», если он снова сделает это. Можно ли довериться тому, чьи приказы становятся единственным способом почувствовать себя живой?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юлия Марчина

СНЕГУРОЧКА

ГЛАВА 1

Яна подошла к невзрачному серебристому хэтчбэку, припаркованному в конце улицы, у самого съезда на поля. Вокруг валялись пустые банки и обрывки полиэтилена – следы майских шашлыков. Тёплый воздух пах прелой травой. Дверца оказалась незапертой.

Она скользнула на пассажирское сиденье. Салон встретил её коктейлем из табачного дыма, мужского парфюма и едкого запаха освежителя «Хвоя».

Максим повернулся. На нём была «выходная» голубая рубашка, чуть помятая, а на шее тонким бликом поблескивала золотая цепочка. Лицо – усталое, интеллигентное, с густыми бровями, безупречно выбритое. Он взял её за подбородок, поцеловал в губы легко, сухо. Его пальцы нащупали прядь её льняных волос, чуть намотали на палец.

– Снегурочка моя, – сказал он, вглядываясь в её лицо. – Глаза-льдинки, синие-синие... Смотрю на тебя и всё боюсь – потечёшь вся, растаешь...

Яна дёрнула головой, освобождая волосы.

– Не растаю, – ответила она, отворачиваясь к окну.

– Ты писала, что к тебе нельзя. Что случилось?

– Соседка с третьего этажа слишком много вопросов задаёт, – Яна сглотнула. – Про то, когда я прихожу, с кем. Будто что-то знает.

Максим помолчал, завёл машину. Двигатель чихнул.

– Д-а-а... – протянул он. – Дилемма. Сейчас уж поздно варианты искать. Если только...

Он тронул с места, плавно выезжая на пустую трассу.

– Куда мы? – спросила Яна, чувствуя, как в груди неприятно защемило.

– На пленэр, куколка моя. Что ж делать-то.

– В смысле?

– В прямом, – Максим бросил на неё быстрый взгляд, улыбка была натянутой. – Природа, свежий воздух... Никаких посторонних глаз. Романтика.

Яна поняла: лес, машина или поляна какая-нибудь. Ей стало дурно по-настоящему, в глазах потемнело.

– Я не хочу так, – прошептала она едва слышно.

Максим не ответил, лишь прибавил газу, нервно постукивая пальцами по рулю. Свидание не должно было сорваться – он настроился.

Свернули на грунтовку, машину подбрасывало на ухабах. Проехали ещё метров двести вглубь леса, остановились на небольшой поляне возле просеки. Гулкую тишину вокруг нарушал только щебет птиц в листве да шум трассы вдали. Пахло прелой листвой, хвоей и влажной землёй.

Максим заглушил двигатель, повернулся к ней, дыша чуть тяжелее обычного. Ему было необычно и, она чувствовала, возбуждающе.

Он наклонился, стал целовать её в шею, влажно и жадно. Одной рукой поймал её ладонь и прижал к паху. Там было уже твёрдо и горячо.

– Давай, – прошептал он ей в ухо, запуская другую руку под блузку к застёжке бюстгалтера. – Давай, не капризничай. Я соскучился.

Яна смотрела поверх его плеча на потолок машины, на трещину в обшивке. Её затошнило от запаха одеколона, от тяжёлого дыхания, от собственного покорного тела, которое уже почти

не сопротивлялось. И всё же Яна оттолкнула его. Не сильно, просто упёрлась ладонями в грудь и отстранилась.

Он отпрянул, удивлённый, в глазах мелькнула досада.

– В чём дело?

Яна молча смотрела на него – на этого красивого, уставшего мужчину с морщинками у умных глаз, которого она, как ей казалось, любила. А сейчас видела лишь чужое, озабоченное лицо человека, которому неловко и надо срочно кончить.

Максим глубоко вздохнул, откинулся на спинку, провёл рукой по лицу.

– Ладно, – сказал он безразлично. – Как знаешь.

Он достал сигарету, щёлкнул зажигалкой.

Яна отвернулась к окну и уставилась на сосну за стеклом.

Максим затянулся, выпуская дым в приоткрытое окно, провёл рукой по волосам.

– Ты меня не любишь? – спросил он тихо, с какой-то детской обидой.

Яна всё так же молча поправила блузку, тряхнула головой, будто смахивая что-то с волос.

Она сама не понимала, что с ней происходит.

Максим сделал ещё одну попытку. Голос стал мягче, убедительнее – таким, от которого она всегда была без ума.

– Ян, разве не романтично? Ты, я – и никого вокруг. Никаких соседок, никаких вопросов. Ты же знаешь, сейчас не лучшее время... Я же говорил, нужно немного подождать.

Он говорил об уходе из семьи – лапша, которая давно высохла и осыпалась.

– Я знаю, – ответила Яна глухо. – Отвези меня, пожалуйста.

Максим посмотрел на неё. Взгляд был странным: не умным, не родным, а возбуждённым, тёмным каким-то. Сейчас он был не интеллигентным Максимом – коллегой, другом, возлюбленным, а... чужим. Опасным.

Кроме того, Яна на секунду испугалась, что он оставит её здесь в отместку и уедет. Глушь. Лес. Вечер.

Он положил ей руку на колено. Ладонь была горячей и влажной.

– Ну чего ты, чего... – забормотал он, снова настойчиво потянувшись к ней.

Яна рванулась, оттолкнула его и схватилась за ручку двери, готовая выскочить и пойти пешком, куда глаза глядят.

В этот момент послышался звук: негромкий рокот двигателя, шелест шин по грунтовке. Из-за поворота медленно выкатилась белая машина с синей полосой и надписью «ДПС» на боку.

У Яны перехватило дыхание. Она замерла, пальцы вцепились в ручку.

Машина становилась в пяти метрах от них, чуть под углом, перекрывая выезд. Двери открылись, вышли двое в форме. Старший – плотный, с уставшим лицом. Второй – моложе, высокий.

Максим быстро швырнул сигарету в пепельницу, провёл руками по лицу, словно придавая ему нужное выражение. Сделал вид, что роется в бардачке, доставая документы.

Старший подошёл к водительской двери, постучал костяшками по крыше. Взгляд у него был равнодушный, но цепкий. Он поздоровался, представился. Потом произнёс:

– Документы. Проверка.

Яна замерла, едва дыша, взгляд прикован к точке перед собой. В боковом зеркале мелькнул приближающийся силуэт – второго, помоложе. Шаги по хвое были почти неслышны. Он остановился чуть позади, с её стороны, не заглядывая в салон, лишь осматривая поляну.

Старший же, наклонившись к открытому окну, заглянул внутрь. Его взгляд скользнул по Яне: по небрежно сползшей с плеча блузке, по растрёпанным волосам – и остановился на Максиме.

– Отдыхаете? – спросил он без какой-либо интонации.

– Да вот, природой любуемся, – Максим выдавил улыбку, протягивая права. – С племянницей. Из города приехала, захотела свежего воздуха.

Яну покорило. Старший взял документы, медленно их изучал. Затем снова перевёл взгляд на неё. Не на лицо – ниже. На расстёгнутую блузку.

– Понятно, – сказал он устало, словно уже десяток таких «племянниц» за день повидал. – Места тут не самые подходящие для отдыха.

Он кивнул младшему, тот шагнул вперёд, к её двери, и, наклонившись, заглянул в салон, осматривая. Взгляд прошёлся по Максиму и остановился на Яне.

– Всё в порядке? – спросил он, прищурившись.

Яна застыла. Его лицо оказалось совсем близко, и она увидела глаза – разные. Левый – карий, тёплый, а правый – голубой, холодный, как лёд на реке ранней весной. Он смотрел прямо ей в лицо и, казалось, видел всё: её унижение, панику, стыд. Видел Максима, уже суетливо перебирающего купюры в кошельке.

«Нет! Ничего не в порядке», – крикнула она мысленно, но в ответ лишь кивнула.

Он продолжал глядеться, переводя взгляд с неё, на Максима и обратно.

«Не надо, – взмолилась Яна. – Не смотри так».

Но он смотрел, конечно. И прекрасно понимал: никакая она не «племянница», а девка, которую можно в машине, в лесу, потому что негде больше.

Максим что-то говорил старшему, шутил про «строгий контроль». Его голос звучал неестественно громко, виновато-заискивающе. Старший посмотрел на деньги, потом на него, и в его глазах мелькнула скука. Он махнул рукой.

– Ладно, проезжайте.

Он отдал документы и повернулся к своей машине. Младший – тот, с разными глазами – ещё секунду задержал взгляд на Яне. Затем медленно развернулся и пошёл вслед за напарником. Его спина в форме была почти неестественно прямой.

Максим выдохнул, завёл двигатель.

– Пронесло, – прошептал он с облегчением, тут же сунув ей в руку хрустящую купюру: – На, купи что-нибудь от стресса. Платье какое-нибудь.

А вторую купюру, уже вынутую, убрал обратно в кошелек. Яна посмотрела на деньги, на Максима, потом в окно. Старший что-то сказал своему напарнику, оба усмехнувшись сели в служебную машину. Спустя пару минут она развернулась и медленно отъехала, освобождая выезд.

«Они видели, как он деньги суёт», – подумала Яна с содроганием. Максим тронул с места, и его хэтчбэк закидало на кочках.

– Ну что, Снегурочка, испугалась? Ничего, живы будем – не помрём, – голос его дрожал от схлынувшего напряжения.

Скомкав купюру, Яна бросила её на пол. Вся дорогу она смотрела в окно на мелькающие сосны, но перед глазами стоял лишь пронизывающий взгляд тех странных, разноцветных глаз.

Минут десять они ехали в тишине. Максим пытался разрядить обстановку, болтая о погоде, о работе, но её односложные ответы быстро заставили его замолчать. Он потянулся, чтобы коснуться её колена, но Яна отдернула ногу. «Если бы я знала тогда, почти год назад, во что это всё превратится... – горько подумала она, глядя в окно. – Ничего бы этого не было. Ничего».

Память, не спрашивая разрешения, подсунула воспоминание. Тот вечер... Конец сентября. Учительская после собрания опустела. Она – молодая учительница начальных классов, только что окончившая магистратуру, сидела за столом и листала конспект. Готовилась к завтрашнему открытому уроку – придут родители. Внутри всё сжималось от волнения.

В дверях появился он, Максим Юрьевич, завуч. Остановился.

– Чего это вы так поздно, Яна Романовна? Все уже разошлись.

– К открытому уроку готовлюсь, – не поднимая головы, ответила она. – Завтра родители и комиссия.

– А, ну да, – он шагнул в учительскую. – Волнуетесь?

Она кивнула.

– Не робейте, Яна Романовна, – его голос был тёплым, без снисхождения. – Вы блестяще справляетесь. У вас дар. С детьми, и главное – с родителями находите общий язык, что гораздо сложнее.

Он принёс два бумажных стаканчика с кофе из автомата, поставил один перед ней и сел напротив. Спросил, какая методика ей ближе. Слушал внимательно. Говорил с ней не как с девочкой, а как с коллегой. Глядел в глаза, спрашивал её мнение. Она, привыкшая, что мужчины смотрят на губы, грудь, распрямила плечи. Казалось, ему было интересно не то, что под одеждой, а то, что за этой оболочкой. Её внешность впервые перестала быть главным – он словно видел сквозь неё. И там, внутри, ему что-то нравилось.

А потом как-то в ноябре педсовет перед проверкой затянулся допоздна. Яна, одетая не по погоде, вышла из школы в мороз.

– Садитесь, подвезу, – предложил Максим, не слушая отговорки. Завёл мотор, включил печку.

В машине пахло кожей и каким-то явно дорогим, древесным одеколоном.

– Планы на каникулы? – спросил он, выезжая со двора школы.

Она упомянула про поездку к маме в Пореченск.

– А читать что любите? – переспросил он, и это было так странно: он действительно слушал её ответ и кивал.

Затем замолчал, глядя на дорогу, освещённую жёлтым светом фонарей.

– Вы какая-то... нездешняя, – тихо произнёс Максим. – Такая... чистая. Для нашей этой суеты.

И коснулся её руки. Большая тёплая ладонь легла поверх её. Яна не убрала. Сердце забило громко и нелепо.

Ей было двадцать три. Единственным мужчиной в её жизни до этого был Арсений, соседский парнишка, младше её на два года, который смотрел на неё щенячьими глазами ещё со школы и которому она, сжалившись или от скуки, просто позволила это сделать тем летом, приехав домой на каникулы. Он был робким, восторженным, неловким. Обожал её, что было приятно, но... просто.

Максим был другим: взрослым, мудрым. От него исходила сила и глубокое знание жизни. Он искал не тело, а нечто сокровенное – душу, как ей тогда казалось.

В декабре она оказалась в просторной квартире Максима, пропитанной запахами чужой жизни: чужих духов, чужих цветов в вазе. Жена была в командировке. Яна знала о его браке, знала, что ей здесь не место. Но к тому времени она уже не могла ничего с собой поделывать, чувства захватили её целиком.

Максим налил вино в тяжёлые бокалы. Развалившись в кресле, он говорил об одиночестве, о том, что всё вокруг – лишь пустая оболочка, иллюзия благополучия. О том, как никто его не понимает.

– Да и что это уже за семья, – махнул он рукой, пригубив вино. – Одна видимость. Каждый живёт своей жизнью. Два одиноких человека под общей крышей.

Яна слушала, и её переполняло чувство собственной значимости. Она ощущала себя избранной, той единственной, которая способна понять, спасительницей. Взрослой женщиной, а не наивной девочкой, которой просто делают комплименты.

Когда он, поставив бокал, впервые поцеловал её – не мимолётно, как до этого в машине, а глубоко, влажно, у неё перехватило дыхание. Не от страсти, а от благоговения. Он будто снизошёл с пьедестала, приблизившись к ней.

Затем наступила неловкость. Максим раздевал её с торжественной медлительностью, и Яна замерла, боясь пошевелиться, ощущая пульс в висках. Он был первым по-настоящему взрослым мужчиной в её жизни. После робкого, восторженного, но совершенно неумелого Арсения это было что-то иное: сильное, уверенное, знающее, чего хочет.

Она отдалась ему на широком кожаном диване в гостиной, в полумраке, под безразличным взглядом большого телевизора на стене. Поначалу было больно – не так, как в первый раз в жизни, а от его напора, от размеров. Яна ахнула. Он, придержав её за бёдра, прошептал: «Тише, тише, расслабься». И боль ушла, сменившись непривычным, глубоким ощущением наполнения. Приятна была сама близость, его тяжёлое дыхание в волосах, осознание его силы над ней. Максим двигался не как мальчик – торопливо и жадно, – а с расчётливой, почти ленивой мощью. И в этой неторопливости ей чудилось уважение, даже снисходительная нежность. Яна думала, ловя его ритм и закрывая глаза: вот оно, настоящее. Взрослая жизнь. Не та детская возня с Арсением, о которой теперь даже стыдно вспоминать. Её зажатость, пассивность, казалось, не раздражали Максима, а забавляли. Он направлял её движения, водил её рукой по своему телу и шептал что-то ободряющее, хрипло смеясь над робостью. Ему явно нравилось быть учителем, тем, кто показывает ей, каким должен быть мужчина.

Счастье длилось недолго. Уже в феврале это была не его квартира, а кабинет в школе. Поздно вечером, при тусклом свете настольной лампы, Максим прислушивался к шагам уборщицы в коридоре, рукой прикрывая Яне рот. Всё было быстро, нервно, почти грубо.

Он перестал спрашивать, как дела. Прекратил смотреть в глаза так, как раньше – будто читая её мысли. Теперь он смотрел сквозь неё, куда-то в точку на стене, торопясь закончить.

Яна, застёгивая юбку дрожащими пальцами, повторяла себе: «Он устал. У него стресс из-за очередной проверки. Надо беречь и понимать».

Иногда это были квартиры его знакомых – пустые, запылённые, с посторонними запахами. Она молча терпела, думая, что это цена за их тайну, за его «высокое» чувство.

Потом наступил март. Она сжала зубы и, глядя на женскую обувь в прихожей, сказала: – Я больше не буду приходить к тебе домой. Это неправильно. И мне... неприятно видеть её вещи.

Он удивился, будто не понимая, о чём речь. Потом пожал плечами:

– Как знаешь.

Стали встречаться у неё, в съёмной однушке на первом этаже, рядом со школой. Яна жила в вечной тревоге: вдруг коллега заглянет в окно, ученик встретится на лестнице, родитель заметит. Но выбирала этот страх, лишь бы не чувствовать себя гостьей в его жизни, ожидающей возвращения хозяйки. Ей хотелось, чтобы её расчёска на полке, её кружка в раковине хоть ненадолго создавали иллюзию: это её территория, её дом, её мужчина.

В апреле всё стало по графику – раз в неделю, по средам. Иногда Максим отменял в последний момент коротким сообщением: «Не смогу. Дела». Яна сидела в купленном специально нарядном белье и плакала от унижения. Потом злилась на себя за эти глупые, девичьи слёзы.

Любовь превратилась в долг, страсть – в услугу, которую нужно было оказать качественно и вовремя. Особенно когда он ждал от неё финала, разрядки, которой никогда не было. В её теле что-то замирало на самом интересном месте, и дальше – лишь пустота. Приятно было, тепло, но никогда – до конца. До той грани, про которую он говорил и которую, видимо, все знали, кроме неё. И Максим... он менялся. Становился другим человеком – требовательным: «Расслабься, что ты как деревянная»; нетерпеливым: «Давай быстрее, у меня мало времени». Иногда грубым. Мог выругаться сквозь зубы, когда она зажималась: «Ну вот, опять. Ледышка ты моя». Потом, конечно, просил прощения, гладил по волосам, говорил сдавленно: «Прости. Просто для мужчины это... важно. Чувствовать, что ты тоже хочешь».

Она прощала. Находила оправдания, повторяя их про себя, как заклинание: «Он так устал. На него столько всего давит». И главное – винила себя: это она неправильная, холодная, сломанная. Из-за неё он и стал таким: раздражённым, вечно ждущим чего-то, чего она дать не может.

И вот теперь – май, лес, машина, «племянница», пятитысячная купюра в руке. Взгляд мента с разными глазами, который увидел то, в чём она сама боялась признаться: от той девушки, которой Максим когда-то восхищался, не осталось ничего. Осталась удобная, покорная любовница, которую можно привезти в лес, как бродячую собаку, когда больше некуда.

...Машину тряхнуло на колдобине, и видение рассеялось. Яна моргнула. В окне снова был просто лес, но теперь он казался грязным и пошлым, как и она сама. Максим снова положил руку ей на колено.

– Всё, успокойся уже. Заедем в город, выпьем кофе, – сказал он. В его голосе сквозь раздражение пробивалась привычная, отработанная нежность. Но теперь Яна слышала в ней только фальшь.

Она молча убрала его руку. Больше не хотела ни кофе, ни его, ни этой «любви», которая оказалась гнилой изнутри. Хотела только смыть с себя этот лес, этот взгляд и этот стыд, который теперь поселился под кожей.

ГЛАВА 2

За окном майское небо медленно наливалось розовым, сгущаясь к вечеру. На продлёнке оставались двое первоклашек: они тихо рисовали за одной партой, дожидаясь родителей. Ирина, воспитательница, уже собрала сумку, то и дело поглядывая то на часы, то на дверь, словно пытаясь поторопить запаздывающих.

Яна сидела за учительским столом, проверяла тетрадки, водя красной ручкой по строчкам, но смысл написанного ускользал. В голове засело занозой: как сказать Максиму? Написать сообщение? Позвонить? Она никогда не звонила первой – это было табу. Писать тоже можно было только в рабочее время, коротко, по делу. А видеть его, оставаться с ним наедине, Яна больше не хотела. Всё в ней сжималось от одной только этой мысли: как работать дальше, зная, что его кабинет в двух шагах?

Дверь в класс открылась. Вошла женщина лет сорока, ухоженная, в дорогом светлом костюме. Грузная, плотная, тёмные волосы собраны в пучок.

Подняв глаза, Яна автоматически улыбнулась родителю, скрывая усталость. Боковым зрением она заметила Ирину, замершую с округлившимися глазами. Та металась взглядом между Яной и посетительницей, а затем поспешно уткнулась в сумку.

– Можно вас? – властно спросила женщина и кивнула в сторону выхода.

У Яны похолодели кончики пальцев, потом мороз пробежал по спине. Родители зовут её по имени-отчеству. Догадка пронзила её, и на секунду перехватило дыхание. Она встала и на негнущихся ногах вышла из кабинета, следуя за женщиной. Та дошла до окна в конце коридора, прислонилась к подоконнику, сложив руки на груди. Ждала. Яна остановилась в двух шагах.

– Ну что, дошло? – спросила посетительница, откровенно рассматривая Яну. – Или надо пояснить, кто я?

– Нет... – слова застряли где-то ниже горла.

– Я – Елена. Жена вашего... – женщина поморщилась, прежде чем произнести это слово, – любовника.

Яну просто придавило. Оглянувшись по сторонам, она немного выдохнула: коридор был пуст.

– Что-то скажете, может? – Елена брезгливо смотрела куда-то в районе груди.

– Простите, – еле слышно прошелестела Яна. Содрогнулась, услышав свой голос: тонкий, детский, жалкий.

– Конечно, я подозревала, что здесь будет детский сад, – жена Максима чуть скривила губы, – но не настолько же.

Яна поняла, что выглядит полной дурой. Осталось только пролепетать: «Больше так не буду». Это осознание, как пинок, заставило её выпрямить спину. Собрав последние силы, она сжала кулаки в карманах платья и произнесла:

– Я действительно... – голос дрогнул, она сглотнула, – всё кончено.

– И давно?

– Вчера, – ответила Яна, совсем растерявшись.

– В общем... – Елена хмыкнула, явно не веря, – полагаю, вы хоть немного сообразительны. Впрочем, я Максима даже понимаю – мужчины падки на такое...

– Я уезжаю, – сказала Яна, и в голосе пробились остатки гордости, сухие и ломкие, как прошлогодняя трава. – Сейчас учебный год заканчивается, и уволюсь.

– Мне всё равно, уедете вы или нет, – с презрением смотрела Елена. – Но надеюсь, у вас хватит ума прекратить. Иначе вся школа и весь город узнают о ваших похождениях. Вы же этого не хотите?

– Нет, – содрогнулась Яна.

– Вот и отлично.

Женщина развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Каблуки отстукивали чёткий, неспешный ритм по паркету. Яна смотрела ей в спину, пока та не скрылась за поворотом. В голове стучало одно: «Больше никогда! Ни одного взгляда, ни одной мысли в сторону женатого. Никогда!»

Она вернулась в класс. На лице Ирины играла ехидная, всё понимающая ухмылка. Но воспитательница промолчала, лишь многозначительно вздохнув.

«Кажется, и так вся школа и весь город уже знает», – с горечью подумала Яна, упав на стул. От этого не было спасения. Завтра она напишет заявление, быстро уладит все дела и сбежит из этого кошмара, в который сама превратила свою жизнь.

На следующий день Яна зашла в кабинет директора с заявлением. Та, маленькая, сухая женщина с вечно поджатыми губами, взяла листок, пробежала глазами. Переспросила:

– Не передумаете?

Яна отрицательно помотала головой. Директриса посмотрела поверх очков, коротко и очень неприятно усмехнулась, не задавая больше вопросов. Уговаривать не стала. В её взгляде читалось: «И правильно. Тихо, без скандала. Умница». Это было хуже любых упреков.

Через два часа, когда Яна уже собиралась домой, телефон завибрировал. Сообщение от Максима: «Ты хорошо подумала?»

Она смотрела на эти три слова, ожидая, что сердце ёкнет, заболит. Но нет.

«Да», – отправила в ответ. И всё. Больше ничего не пришло: ни «Почему?», ни «Я тебя люблю...», ни даже «Удачи». Тишина.

Именно это добило её окончательно. Значит, ему было настолько плевать, что даже выяснить причины не захотел. Или – и это было ещё ужаснее – он обрадовался, что проблема решилась сама собой, без его участия, без слёз и разборок. Она была не просто удобной любовницей, а наскучила ему, а от надоевших избавляются с облегчением.

...Белый междугородний автобус трясся по разбитой дороге. Яна уткнулась лбом в холодное стекло и смотрела, как за окном мелькают леса, поля, редкие деревеньки. Три часа пути. Три часа, чтобы понять: ты едешь из одного «никуда» в другое, старое «никуда». Только там, в Запрудном, оно было позорным и горьким. А в Пореченске – просто пустым. И, наверное, безопасным. Опустошённость заполняла всё внутри, не оставляя места даже для слёз.

Автобус тряхнуло на яме, голова стукнулась о стекло. Яна открыла глаза и увидела в тёмном окне своё лицо: бледное, с синяками под глазами, спутанные светлые волосы, выбившиеся из косы. Глаза-льдинки теперь казались тусклыми.

«Как так вышло?» – беззвучно спросила она у отражения. Ответа, конечно, не последовало. Зато было ощущение глубокого, всепроникающего унижения оттого, что её так легко выкинули из жизни. И главное, как бездарно она сама себя унизила.

Наконец, за окном замелькали знакомые крыши, пристань, церковный купол и Центральная площадь Пореченска – приехали. Автобус со свистом затормозил у старого здания автовокзала. Яна вышла, и тёплый, пахнущий тополиными почками и пылью воздух родного городка ударил в лицо. Она – дома.

На стоянке дежурили таксисты. Яна махнула рукой первому, кто выглядел сонно и неагрессивно. И прогадала.

– Куда, красавица? – голос был сиплый, неприятный.

Она назвала адрес.

– Хорошее место! – оживился водитель, лысый мужик лет сорока. – Частенько туда мотаюсь. К родне?

Яна кивнула, села на заднее сиденье. Он закинул чемоданы в багажник старой «девятки» и уселся за руль. Всю дорогу болтал: про скуку в городе, про то, что мужчине в расцвете сил так тяжело и одиноко здесь. Взгляд в зеркале был липким и влажным.

Она молчала, вцепившись в ремень, думала: «Зря села».

Но бомбила только смотрел и не затыкался. Во дворе он выскочил, достал чемоданы и подмигнул:

– Помогу до квартиры!

– Не надо! – Яна быстро протянула ему купюры.

– Да я ж не за деньги!

Взяв оплату, водитель схватил ручки чемоданов. В этот момент дверь открылась, и из подъезда показалась знакомая фигура. Арсений шёл, глядя в землю. Поднял голову, увидел Яну и замер. Не шевелясь, стоял на тротуаре.

Он, казалось, ещё вырос и стал совсем неприлично, нездешне красивым. Высокий, тонкий в кости, с лицом, словно сошедшим со старинной иконы: чёткие брови, прямой нос, большие, прозрачно-зелёные глаза, как у его старшего брата, но без той хитрой искорки. Во всём его облике была какая-то одухотворённая хрупкость. Её первый мужчина.

Таксист, увидев их перекрёстные взгляды, сник. Бросил чемоданы, плюхнулся в машину и укатил.

Арсений медленно подошёл. Обнял её нежно, прижал к груди. Повяло свежим и лёгким парфюмом, наверное, чем-то действительно дорогим.

– Привет, – сказал он и, всмотревшись в её лицо, слегка тронул губами висок. От этого прикосновения стало на миг теплее в груди.

– Привет, Сеня.

Он отпустил её и тут же взял оба чемодана.

– Я в отпуске, – сказал, не сводя с неё глаз. – К родителям. Ты?

– Вернулась.

– Насовсем?

– Наверное.

Он широко, по-детски улыбнулся. Яне стало тоскливо и стыдно. За что он так её любит? Даже несмотря на то, что она откровенно его целый год игнорировала после того, как они стали близки.

Сеня донёс чемоданы до квартиры, остановился, посмотрел на неё.

– Я устала, – сказала Яна, упреждая вопрос. – С дороги.

– Позвоню? – спросил он всё с той же надеждой.

– Позвони.

Он кивнул, развернулся и стал спускаться, перепрыгивая через две ступеньки. Яна втащила пожитки в квартиру, закрыла дверь. Прислонившись спиной к холодному дереву, подумала: «Может, вот оно – счастье? Сеня – свой, нежный, тот, кто всегда влюблён». Но мысль эта была какой-то плоской, ничего не дрогнуло внутри.

Брошенные у порога сумки глухо шлёпнулись о линолеум. Яна скинула босоножки и прошла на кухню босиком, оставив следы на пыльном полу. Открыла кран, но послышался только сухой звук – вода была перекрыта. Мама же уехала.

Тогда Яна направилась в ванную. Крутанула на трубах под раковиной пыльные вентили. Раздался глухой стук, потом журчание. Полилась сначала ржавая струя, потом вода стала чистой. Яна подставила ладони – прохладно. Умылась, смывая с лица дорожную усталость и сальные взгляды таксиста. Вытерлась краем полотенца, висевшего на вешалке – оно было чистым, но пыльным.

Вернулась в прихожую, распахнула чемодан, достала оттуда мятый домашний комплект: серую футболку с выцветшим принтом и мягкие спортивные шорты. Переделалась. Ткань пахла порошком из другой жизни.

Потом первым делом открыла окна, помыла полы и прошлась влажной тряпкой по поверхностям. Так, слегка, чтобы дышать было легче. Сходила в душ. Вернулась в гостиную. С

дивана сняла лёгкое вязаное покрывало: голубое, которое мама связала, когда Яна ещё училась в школе. Стряхнула пыль на балконе, затем легла и укрылась, поджав под себя ноги. Тишина зазвенела в ушах. С потолка смотрела на неё знакомая трещина в виде молнии. Нестройно поплыли образы: мамины руки, пахнущие тканью и уютном; её смех, когда кто-то из «пап» говорил тост. Потом хлопок дверью – ушёл. Другой. Третий. А один, с рыжей бородой, как-то стал слишком задерживать взгляд на Яне, когда ей было лет пятнадцать. Мама заметила. На следующей неделе он исчез из их квартиры.

Отец – не было ни одного фото. Только мамины слова: «Он красивый, Яна, и очень умный». И позже, шёпотом: «Так и не развёлся, гад». Были подарки раз в год: дорогие, безвкусные. До восемнадцатилетия маме присылал деньги, а пока Яна училась в институте, уже лично ей на карту. Больше ничего. Она его даже не видела никогда.

Неужели и её дорога только туда – к чужим мужьям, в чужие машины, в чужую семью? Вспомнилось собственное лицо в зеркале: бледное, с синяками под глазами. И Максим, отводящий взгляд, клеймо «племянница».

Образы рассеялись, глаза закрылись. Уснула под мерное тиканье маминых любимых настенных часов, которые она так и не забрала с собой в новую, питерскую жизнь.

Проснулась Яна от тишины – не от звука, а от его отсутствия. Ходики всё так же тикали, но мысли в голове застыли. Потянулась к телефону, набрала маму. Трубку взяли не сразу.

– Алло? – голос был бодрым, чуть запыхавшимся.

– Мам, привет. Я дома. В Пореченске.

– Дома? – та удивилась. – А что в Запрудном? Уволилась?

– Да. Устала от чужого города. Буду работать здесь, в школе, уже звонила, место есть.

– Ну, дело твоё. Сама знаешь, как лучше, – довольно равнодушно ответила мать.

И сразу, без перехода, даже голос стал ярче, быстрее:

– А у нас тут, Яночка, всё замечательно. Юрочка мой, представляешь, подарил абонемент в фитнес-клуб, в который сам ходит! Я теперь, знаешь, хожу на пилатес, йогу! Надо в форме себя держать. Скоро в отпуск – на море полетим, в Турцию. Билеты уже взяли.

Яна слушала, прижимая трубку к уху. Вроде рада за маму. Должна быть рада, но чувство было каким-то фоновым, далёким, как шум из соседней комнаты. Или она совсем разучилась что-то чувствовать? Совсем ледышка?

– ...денег тебе пришлю, – вдруг закончила мать свою речь.

– Да не надо, мам.

– Прекрати. Я тут шью немного, для души, но не даром. Да и Юра мне ни в чём не отказывает. Деньги есть. Пришлю.

– Хорошо, спасибо.

Попрощались, повесила трубку, положила телефон на стол. «Месяц отдохнуть, – подумала Яна. – Потом подработку найти, а в августе – в школу».

Аппарат снова завибрировал.

– Да, забыла сказать: квитанции на квартплату, как всегда, в синей папке в шкафу. Батареи в кухне до зимы надо бы заменить. И окна в гостиной – проверь, чтобы не дуло.

– Хорошо, мам.

– Ладно, целую. Береги себя.

Снова тишина. Яна села на стул у кухонного стола. Да, ледышка, но, может, это и не так плохо – ничего не чувствовать, ничего не хотеть. Просто быть, как эта пустая квартира. Жить и ждать, когда начнётся что-то новое, живое. Или не начнётся.

Вечером позвонил Арсений.

– Можно я приду? – спросил он без предисловий.

– Приходи, – сказала Яна, не раздумывая.

Он пришёл через двадцать минут с двумя пакетами из магазина. Достал оттуда готовую куру-гриль, салат в контейнере, булку, сок.

– Пужинаем, – объявил, как будто это было самым естественным делом на свете.

Разогрели еду, он начал рассказывать про Москву, институт, свою работу – что-то связанное с моделями для физических экспериментов. Говорил увлечённо, с горящими глазами, будто рекламировал свою жизнь. Яна кивала, почти не слушая.

Потом Сеня замолчал. Встал из-за стола, подошёл к ней, обнял. Сначала робко, как всегда. Затем сильнее, прижал к себе. В его объятиях была знакомая, почти детская требовательность: «Я здесь, ты моя». Яна не оттолкнула – он был свой, и от него шло тепло: простое и понятное.

Он поцеловал её в шею, потом повёл в спальню, в полумрак. Раздевал бережно, с каким-то благоговением, целовал каждую открывшуюся часть кожи. Разделся сам. Его тело было другим – не грузным, как у Максима. Длинное, гибкое, на удивление сильное, но когда он прижимался, она чувствовала не тяжесть, а упругую пружинистую энергию.

Всё было тихо, почти без слов. Арсений был осторожен, двигаться начал медленно. Было приятно, не больно. Он зажмурился, его дыхание участилось. Яна лежала, смотрела в потолок, чувствуя это тепло где-то глубоко внутри, оно нарастало, как обычно, к какому-то невидимому пику, а потом – рассеивалось. Она никак не могла поймать, ухватить. Так и не случилось. Арсений, сдавленно прошептав её имя, обмяк. Лежал рядом, счастливый, уткнувшись лицом в её волосы. Через пару минут его дыхание стало ровным и глубоким. Он уснул прямо там, на старом диване, укрывшись краем её покрывала.

Яна осторожно выбралась из-под него, надела футболку и вышла на кухню. Встала у тёмного окна, за которым горели редкие фонари Пореченска. Дымила сигаретой, хотя почти не курила. Думала.

То ли она полная дура, то ли не хозяйка себе. Почему она безропотно ложится с ними? С Максимом, который хотел, с Арсением – любящим. Как будто её тело – общественное место, куда можно зайти,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.